

Д.А.Тихоненков,
канд.юрид.наук

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ГПУ УССР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СЕССИЙ В 1922-1928 гг.

Правовое положение органов Госполитуправления в рассматриваемый период не было стабильным. Оно колебалось от ограничения компетенции ГПУ расследованием политических преступлений до возложения на него внесудебного рассмотрения уголовных дел. Менее всего в историко-правовой литературе исследован вопрос об участии органов ГПУ в работе чрезвычайных сессий. Его разрешение позволяет более четко определить правовые основы деятельности большевистских органов госбезопасности на Украине в годы нэпа.

Чрезвычайные сессии были образованы в соответствии с постановлением Всеукраинского ЦИК от 17 июля 1922 г. под предлогом борьбы с бандитизмом (1; 1922.- № 31. -Ст.479). Они представляли собой специализированные судебные установления, которые действовали при военных отделениях губернских революционных трибуналов. На них согласно инструкции Народных комиссариатов юстиции и внутренних дел от 3 августа 1922 г. рассматривались расследуемые ГПУ контрреволюционные и другие дела. В местностях, объявленных на положении, угрожающем по бандитизму, решение о направлении дел в чрезвычайные сессии принимали распорядительные заседания в составе председателя губотдела ГПУ, заместителя председателя губисполкома и губернского прокурора. В остальных местностях дела в чрезвычайные сессии направлялись по соглашению губпрокурора и председателя губотдела ГПУ. При отсутствии такого соглашения, а равно при протесте прокурора против постановления распорядительного заседания вопрос о передаче дела решался соглашением НКЮ и ГПУ УССР. Дела, поступившие в чрезвычайную сессию, рассматривались в обычном для трибуналов порядке. Но срок подачи прошения о помиловании или кассационной жалобы был ограничен 48 часами, с момента вынесения приговора. Причем поданная в Верховный трибунал жалоба могла быть не пропущена прокурором (2; ф. 8, оп. 1, д.868, л.75-75об. или д.1496, л.6).

В § 8 вышеуказанной инструкции отмечалось, что расследуемые ГПУ дела особо важного значения, а также дела о проступках и преступлениях сотрудников органов безопасности подлежат рассмотрению исключительно в чрезвычайной сессии военного отдела Верховного трибунала. Содержание § 8 на местах было понято по-разному, что вызвало ряд недоразумений. Положение усугублялось еще и тем, что постановлением Политбюро ЦК КП(б)У от 14 апреля 1922 г. Госполитуправлению были предоставлены особые судебные-карательные права в отношении проступков и преступлений его сотрудников. Согласно постановлению приговоры по данной категории дел должны были выносить тройки в составе начальника отдела ГПУ и двух членов по его назначению. Административные взыскания до одного месяца ареста могли быть наложены исключительно властью начальника (2; ф.8, оп.1, д.1352, л.6). Документ явно противоречил инструкции о чрезвычайных сессиях. В центр пошли запросы с просьбой разъяснить порядок производства и направления дел о преступлениях работников ГПУ (2; ф.8, оп.1, д.1489, л.24-25об.). Прокуратура ответила, что постановление от 14 апреля утрачивает силу (2; ф.8, оп.1, д.1352, л.4). А 1 октября 1922г. вышел приказ Госполитуправления УССР, раскрывающий смысл § 8 инструкции о чрезвычайных сессиях. В нем говорилось, что степень важности дел определяется по линии ГПУ начальниками губернских, дорожно-транспортных и особых отделов. Если они признавали дело о должностном преступлении сотрудника ГПУ особо важным или если его разбор был связан с расшифровкой методов работы ГПУ, секретных агентов и т.п., такое дело сначала разрабатывалось отделом ГПУ, затем все материалы с заключением направлялись в следственную часть ГПУ УССР, а уже оттуда законченное производством дело поступало на рассмотрение чрезвычайной сессии военного отделения Верховного трибунала. Все прочие дела о должностных преступлениях сотрудников и дела, не связанные с работой органов безопасности, подлежали направлению на общих основаниях (2; ф.8, оп.1, д.937, л.220).

В органах ГПУ действовало предписание об изъятии из направляемых в судебные органы дел всех агентурных и информационных материалов. Вместо них к делу приобщалась сводка необходимых сведений. Любое указание об источниках информации не допускалось (2; ф.8, оп.1, д.574, л.238 об.). Именно стремление сохранить «тайны розыскной работы с контрреволюцией» (2; ф.8, оп.1, д.929, л.7) и желание избежать публичного рассмотрения «неудобных», компрометирующих советскую власть дел вызвали к жизни систему чрезвычайных сессий.

После упразднения военных отделений губернских ревтрибуналов чрезвычайные сессии в соответствии с постановлением ВУЦИК от

25 ноября 1922 г. начали созываться непосредственно при губревтрибуналах (1; 1922. -№ 46, Ст. 688). Когда же в ходе судебной реформы трибунальская система была ликвидирована, они продолжали действовать при губернских судах. При знакомстве с деятельностью чрезвычайных сессий бросается в глаза их явно чекистский состав. К примеру, в октябре 1923 г. председателем выездной чрезвычайной сессии Харьковского губсуда был заместитель начальника Харьковского отдела ГПУ Ромейко, а членами - начальник Сумского окротделения ГПУ Теплов и народный судья Харьковского губсуда Данилов. Подобным образом формировались и другие чрезвычайные сессии (2; Ф.8, оп.1, д.1252, л.321).

Новое положение «О чрезвычайных сессиях губернских судов» было введено в действие с 1 декабря 1924 г. Уже первая глава документа указывала на активное участие ГПУ в этих органах. Чрезвычайные сессии должны были заседать в составе трех человек, два из которых, в том числе и председатель, утверждались Наркомюстом по представлению

Госполитуправления УССР (2; ф.2, оп.3, д.345, л. 146). Получалось, что по определенным делам ГПУ выступало одновременно как орган дознания, следствия и суда.

По положению от 1 декабря 1924 г. круг дел, которые могли быть переданы в чрезвычайную сессию для рассмотрения «в чрезвычайном порядке» и с применением по общему правилу «чрезвычайной репрессии», был очень широк. В этой связи интересно обратиться к особому мнению заместителя народного комиссара юстиции М.Рейхеля, которое он высказал на заседании Совнаркома УССР 20 ноября 1924 г. при обсуждении проекта положения о чрезвычайных сессиях губсудов. М.Рейхель заметил, что рассмотрению на чрезвычайных сессиях подлежат «все контрреволюционные преступления, бандитизм, квалифицированное ограбление, подделка фальшивых монет и проч. Практически трудно даже придумать, какие еще дела может понадобиться передавать в Чрезсессию. Между тем положение представляет право Центральному распорядительному совещанию передавать на рассмотрение Чрезсессии сверх перечисленных - *любое дело* (выделено мной - Д.Т.). Принимать, а тем более публиковать такое постановление совершенно нецелесообразно. *Положение и без того слишком обнажено и включает в себя пункты о чекистском составе Чрезсессии* (2 из 3) (выделено мной - Д.Т. Предоставление права... передавать в Чрезсессию любое дело только усилит антисоветскую агитацию вокруг проекта. Если фактически окажется необходимость передачи какого-либо непредусмотренного дела в Чрезсессию, это всегда можно сделать через Президиум ВУЦИКа и об этом не нужно писать» (2; ф.2, оп.3, д.345, л.133,139).

Предложение М. Рейхеля было отклонено и после утверждения проекта Всеукраинским ЦИК Центральное распорядительное совещание, состоящее из прокурора республики, народного комиссара РКИ и председателя ГПУ УССР, получило право направлять в чрезвычайные сессии любые дела. Утвержденное совещанием обвинительное заключение сообщалось под расписку каждому из обвиняемых не позднее, чем за 24 час. до слушания дела. Предъявление следственного производства было не обязательно. Обжалованные или опротестованные приговоры рассматривались в Кассационной коллегии Верховного Суда с обязательным участием представителя ГПУ УССР (2; ф. 2, оп.3, д.345, л.146-151).

Эти принципы были сохранены и в принятом 10 октября 1928 г. положении «О порядке рассмотрения дел в чрезвычайных сессиях Верховного Суда УССР, Главного Суда АМ ССР и окружных судов УССР». В положении подтверждалось право Центрального распорядительного совещания изымать из общей подсудности и передавать в чрезвычайные сессии дела о вооруженных восстаниях, террористических актах, квалифицированной контрабанде и некоторых других контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления. Центральное распорядительное совещание могло: направлять дела для следования любому следственному органу; изменять квалификацию преступления; изменять меру пресечения, принятую в отношении обвиняемого, и прекращать дела. К компетенции остальных совещаний относились дела о шпионаже, всякого рода деятельности, направленной на подготовку или совершение контрреволюционных преступлений, пропаганду и агитацию против советской власти, о контрреволюционном саботаже, бандитизме, подделке денежных знаков и недонесении о достоверно готовящихся или совершенных преступлениях. Кроме того, по представлению органов прокурорского надзора в распорядительные совещания могли быть направлены иные дела. А в местностях, объявленных на исключительном положении, прокуроры имели право посылать дела непосредственно в чрезвычайную сессию по принадлежности. Присутствие прокурора было обязательно в тех заседаниях, в которых не была допущена защита. После вынесения приговора он мог в течение 48 час. вынести протест, а также не пропустить кассационную жалобу, составив о том мотивированное постановление. О смертном приговоре не позже как через час следовало по телеграфу сообщить генеральному прокурору с указанием точного времени вынесения приговора, краткой сущности обвинения обвиняемого, фамилии, имени, отчества, социального происхождения и положения осужденного, его возраста и других существенных по делу обстоятельств. Если в течение 48 час. не поступало распоряжение о

приостановлении приговора и дело не затребовалось в порядке надзора, а кассационная жалоба не была пропущена, приговор приводился в исполнение (1; 1928.-№ 28.— Ст. 246, 2; ф.1, оп.3, д.1785, л.93,94).

Нередко приговор выносился органами ГПУ непосредственно. В соответствии с решением Президиума ЦИК СССР от 1 апреля 1924 г. правосудием внесудебной репрессии (вплоть до расстрела) было дано Коллегии ОГПУ в отношении фальшивомонетчиков к контрреволюционных организаций (2; ф.1, оп.2 (доп.), д.58, л. 196). Кроме того, на протяжении 1924-1928 гг. ОГПУ неоднократно обращалось к ЦИК СССР с ходатайствами с предоставлением ему права вынесения внесудебных приговоров и по другим делам. К примеру, на заседаниях Президиума ЦИК от 22 марта, 7 июля и 31 августа 1928 г. таких ходатайств было рассмотрено соответственно 14, 44 и 28. Все они были удовлетворены (2; ф.1, оп.3, д.176, л.24,25, 46-50 и 156,157). Очевидно, подобная практика существовала и в отношении ГПУ УССР с Президиумом ВУЦИК. Косвенным подтверждением тому служит цитируемое выше особое мнение М.Рейхеля, высказанное им при обсуждении проекта положения о чрезвычайных сессиях губсудов.

Таким образом к концу 20-х годов правовой статус органов госбезопасности включал в себя не только значительные полномочия ГПУ при расследовании преступлений и производстве административных высылков, но и, по сути, предполагал наличие судебных прерогатив через участие представителей Госполитуправления в системе чрезвычайных сессий. Законодательство о чрезвычайных сессиях закрепляло отказ о внесудебной репрессии. Но определяющая роль органов ГПУ при рассмотрении дел, по которым они же проводили предварительное расследование, делала этот отказ формальным. Тем более, что в определенных случаях органам Госполитуправления предоставлялась возможность самостоятельно разрешать находящиеся у них дела.

Список литературы: 1. СУ УССР. -1922-1928. 2. ЦГАВО Украины. - ф.1,2,8

В.Е.Рубанин,
канд.юрид.наук.

НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОНЯТИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х – В 70-е ГОДЫ XX ст.

Отношения собственности и право собственности занимают одно из